

ВОСТОК – ЗАПАД

DOI: 10.31857/S086919080009068-1

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНУТРЕННЕГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2020

М.А. КОНАРОВСКИЙ^а^а – МГИМО МИД России, Москва
Scopus ID: 57194636580; makonarovsky@mail.ru

Резюме: Обстановка в Афганистане последних десятилетий характеризовалась противоборством элит в поиске рецептов государственного строительства, способного обеспечить баланс интересов всех этнических и социальных слоев населения. Ситуация усугублялась сложной расстановкой сил на межнациональном уровне, спецификой взаимоотношений внутри различных этнических групп, глубокой отсталостью общества с пережитками трайбализма, диспропорциями в экономическом развитии различных регионов страны и т.д.

Все эти обстоятельства существенно тормозили проведение как политических, так и социально-экономических преобразований различной идеологической направленности. О неспособности афганских элит к выработке общей платформы социально-экономического развития страны свидетельствовал крах политики реформ 1920-х и аналогичных усилий королевского и республиканского режимов середины 1950-х–1970-х гг. Особую остроту внутренние противоречия приобрели после прихода к власти в 1978 г. Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), провозгласившей лозунг построения «общества, свободного от эксплуатации человека человеком».

Важнейшую политическую роль продолжал играть ислам, по существу остававшийся, наряду с национальными традициями, основным идеологическим базисом общенационального масштаба, противодействующим модернизации страны. Апелляция к религии, а через нее и к общенациональной идентичности, в период всей новейшей истории Афганистана была главным политико-идеологическим рычагом в противодействии любым попыткам внутренней экономической и политической модернизации страны.

Аналогичная картина наблюдается и в настоящее время. Существо нынешнего внутриафганского противостояния заключается в противостоянии двух форм государственно-политического и идеологического строительства. Выражением базовых разногласий между центральными властями Исламской Республики Афганистан (ИРА) и вооруженной оппозицией о будущем страны являются выдвигаемые схемы ее государственного устройства. Кабул выступает за республиканскую форму правления с тремя ветвями власти: (сильный) президент, подчиненное ему правительство, парламент. Учитывая историческую специфику страны, вполне значимое место в общественно-политической жизни отводится также исламу. Позиция же движения «Талибан» (ДТ) сводится к созданию теократического режима в форме «исламского эмирата» и с мусульманским правом (шариат) как основой всех политических, юридических и гражданских институтов.

Ключевые слова: Афганистан, государственное устройство, реформы, легитимность, талибы, ислам.

Для цитирования: Конаровский М.А. Некоторые исторические основы внутреннего противостояния в Афганистане и перспективы его урегулирования. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 149–160. DOI: 10.31857/S086919080009068-1

HISTORICAL BACKGROUND OF STANDOFF IN AFGHANISTAN AND PROSPECTS FOR INTRA AFGHAN SETTLEMENT

© 2020

Mikhail A. KONAROVSKII ^a

^a – MGIMO University, Moscow, Russia
Scopus ID: 57194636580; makonarovsky@mail.ru

Abstract: Situation in Afghanistan over last decades could be assessed as the tough confrontation among national elites in searching for a state building formula that could bring to term the interests of all ethnic and social groups of the population.

The situation has been significantly complicated by complex intra ethnic relations as well as tense relations inside each individual ethnic group; by the society's deep backwardness and remnants of tribalism; by disproportions in economic development of the regions etc.

All these circumstances have put obstacles in the way of political and socio-economic reforms with different ideological colorations. The Afghan elites' inability to draw up a common platform for that country's socio-economic development had resulted in political failure of reforms undertaken in the 1920s, as well as similar attempts by royal and then republican regimes in mid-1950s – late 1970s. Domestic contradictions found their further and most controversial indication after in 1978 the People's Democratic Party of Afghanistan (PDPA) came to power with the intention "to build up a society free from exploitation of man by man".

Islam has continued to play specific political role in the Afghan society remaining in essence (amid deep-rooted national traditions) a principal nation-wide ideological background, confronting efforts to modernize the country and the society.

We witness the similar picture now too. Different visions of Afghanistan's future State system is the principal disagreement between central authorities in Kabul and its armed opposition. Kabul is in favor of Republican form of governance, with three branches of power – (strong) presidency, a subordinated government, and a parliament. With the historic specificity in mind, role of Islam in nation's social and political life is significantly provided for as well. The Taliban Movement's aim is to create a theocratic regime in form of an "Islamic Emirate" and Muslim law (Sharia) as a basis of whole political, juridical and civil institutions.

Keywords: Afghanistan, state-building, reforms, legitimacy, the Taliban, Islam.

For citation: Konarovskii M.A. Historical background of Standoff in Afghanistan and Prospects for Intra Afghan Settlement. *Vostok (Oriens)*. No. 2. Pp. 149–160. DOI: 10.31857/S086919080009068-1

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ

Суть внутренней борьбы в Афганистане в последние десятилетия заключалась в поисках такой формулы государственного устройства, которая могла бы обеспечить сочетание базовых политических, экономических, идеологических и этнических интересов наиболее влиятельных элит центральных и периферийных регионов страны. Именно эти базовые факторы лежали в основе внутриафганского противостояния как в течение всего прошлого, так и в первые двадцать лет нынешнего столетия (прозападный республиканский режим vs исламская оппозиция в лице талибов).

Сложная и многомерная расстановка сил в стране, как на межнациональном уровне (пуштуны – непуштуны), так и внутри различных этнических групп оставалась важнейшим препятствием на пути обеспечения в стране необходимого общенационального консенсуса. Это касалось прежде всего противоречий между племенными объединениями и кланами пуштунов, и, в несколько меньшей мере, среди афганских таджиков (панджширцы и не панджширцы), а также узбеков, хазарейцев и др. Комплекс межэтнических проблем в определенной степени усугублялся и внутриконфессиональными водоразде-

лами, прежде всего по линии пуштунов – суннитов и хазарейцев – шиитов. Серьезным элементом, способствовавшим сохранению внутренних противоречий, оставался также и экономико-географический фактор. Он проявлялся в достаточно резкой диспропорции между относительно развитыми в хозяйственном отношении северными регионами страны, населенными в основном непуштунами, и обширными анклавами юга и юго-востока с безусловным преимущественным преобладанием в них пуштунских племен.

Отсутствие консолидирующего общенационального начала в афганском обществе продолжает определять и то, что зачастую (если не в большинстве случаев) узкоэгоистичное понятие «свое» представлялось (при отстаивании различными этнополитическими силами своих позиций) в качестве тезиса, носящего общенациональный характер. О неспособности афганских элит к выработке общей платформы социально-экономического развития страны свидетельствовал крах политики реформ 1920-х и аналогичных усилий королевского и республиканского режимов середины 1950–1970-х гг. Особую остроту она приобрела после прихода к власти в 1978 г. Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), провозгласившей лозунг построения «общества, свободного от эксплуатации человека человеком» [Конституция (Основные принципы)]. Основной причиной краха недолгого управления страной в первой половине 1990-х гг., казалось бы, идеологически единых бывших моджахедов стала прежде всего их межфракционная борьба за передел властных полномочий. Существенно ослабляя ее участников, противоборство препятствовало и выработке вразумительной социально-экономической политики, способной закрепить относительно умеренное исламистское правление моджахедов и добиться обеспечения реального широкого фронта их поддержки со стороны населения.

Талибы, которые пришли на смену моджахедам, в качестве своей политической альтернативы установили жесткую теократическую диктатуру в ее наиболее одиозных проявлениях при подавлении всех иных форм политической и идеологической направленности. Однако при этом самой стране также не было предложено никаких рецептов хозяйственного и социального развития, соответствующих реалиям сегодняшнего дня.

Общая неоднозначная ситуация и соответствующие разделительные линии в различные годы не могли не проявляться также и в практической деятельности основных политических партий страны. Одной из старейших среди них по сей день остается пропуштунская группировка «Афган миллят», созданная весной 1966 г. и позиционирующая себя как социал-демократическая партия. В таком качестве она претендовала и на официальную поддержку со стороны соответствующих западноевропейских партий. Преимущественно пуштунский сегмент определял и строительство пропрезидентской «Партии национальной революции» после свержения в стране монархии и провозглашения в 1973 г. республиканского строя. Выразителем интересов некоторых наиболее обездоленных национальных меньшинств являлась экстремистско-левацкая «Шоалее Джавид», пик активности которой приходился на 1960–1970-е гг. По существу, по такому же этническому признаку (пуштун-непуштун) строились и различные партии моджахедов, которые вели открытую вооруженную борьбу против «коммунистического» правительства НДПА.

Ярко выраженная пуштунская составляющая определяла в 1990-е гг. и в значительной степени определяет и нынешнюю конструкцию движения «Талибан» (далее – ДТ) [Коргун, 2004]. Хотя в последнее время, в результате активной работы среди населения под лозунгами сопротивления иностранному военному присутствию в стране, первоначальная этническая основа ДТ значительно ослабла за счет вовлечения представителей других этнических групп.

Наиболее выпуклым примером партийного разлома по национально-этническому признаку являлось деление Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) на

преимущественно пуштунскую фракцию «Хальк» и непуштунскую (в основном таджико-узбекско-хазарейскую) фракцию «Парчам». Такое положение, по существу, не изменилось и после прихода партии к власти в стране в 1978 г. Эти особенности были автоматически перенесены на все направления деятельности центральной власти, включая такие наиболее значимые и чувствительные для государственного строительства страны сферы, как вооруженные силы и органы безопасности.

Если же говорить о значимом консолидирующем политико-идеологическом базисе общенационального масштаба, то им был и продолжает оставаться ислам в качестве общей религии подавляющего большинства населения (более 90%). Поэтому именно апелляция к религии, а через нее и к общенациональной идентичности в период всей новейшей истории Афганистана была главным политико-идеологическим рычагом в противодействии любым попыткам внутренней экономической и политической модернизации страны.

ПОЗИЦИИ РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМИСТОВ

После силовой ликвидации в Афганистане режима талибов в конце 2001 г. при непосредственном военно-политическом содействии Запада во главе США и при широкой поддержке со стороны ООН и мирового сообщества были энергично запущены мероприятия по экономическому и социальному восстановлению страны, созданию новых структур государственного устройства, органов управления, по строительству новых вооруженных сил, системы обеспечения правопорядка и т.д. Однако усиленное внедрение западных понятий и шаблонов демократии, включая права человека, стандартов государственного строительства и методов административного управления на всех направлениях (и без серьезного учета местных условий и особенностей) не только не встречали широкого отклика среди населения различной этнической принадлежности, но и расценивались им (прежде всего на бытовом уровне) как серьезная угроза исламским и другим традиционным ценностям. Такая реакция в значительной мере была аналогичной на кардинальные изменения в стране в 1980-х гг., которые осуществлялись при массивной политико-идеологической, финансово-экономической и военной помощи СССР, а также при его прямой вовлеченности в государственно-административное, социальное и идеологическое строительство Афганистана «социалистической ориентации».

Данное обстоятельство, при отсутствии иной альтернативы, предопределило почти сразу после 2001 г. возможности для быстрого возрождения в стране влияния Движения талибов (ДТ). Пребывание на ее территории в течение двух последних десятилетий контингентов США и НАТО (активно поддерживавших центральные власти во внутренней политике и в вооруженном противоборстве с ДТ) стало дополнительным, принципиально важным катализатором, обеспечившим благоприятные условия для поддержки населением вооруженной оппозиции, основными лозунгами которой было противодействие иностранной агрессии и правительству, приведенному к власти внешними силами. Весьма значимым фактором, способствующим восстановлению и консолидации деятельности талибов, стала и активная эксплуатация ими недовольства пуштунской части населения страны якобы непропорционально высоким представительством национальных меньшинств в центральных структурах власти.

По существу, первым, кто осознал не только сохранение, но и серьезный потенциал для достаточно быстрого восстановления в Афганистане позиций ДТ, был глава Временной, затем Переходной администрации страны, а с 2004 по 2014 г. президент Исламской Республики Афганистан (далее – ИРА) Х. Карзай. Уже весной 2002 г. он начал высказываться за определенное вовлечение отдельных, наиболее умеренных представителей Движения талибов во вновь создававшиеся властные структуры. Однако это происходи-

ло на фоне политической эйфории в США и на Западе в связи с победой над Аль-Каидой в Афганистане и над поддерживающими ее талибами, а также значительными ожиданиями от начала проведения мероприятий по восстановлению страны. В связи с этим в первоначальный период инициатива объективно не могла встретить широкой международной поддержки прежде всего на Западе. Прохладно к ней поначалу относились и в России. Поэтому иногда имеющие место сегодня рассуждения о том, что при формировании афганской делегации на международную Боннскую конференцию в декабре 2001 г. (которая составила «дорожную карту» нового государственного устройства страны) следовало бы учитывать всех игроков на внутривнутриполитическом поле страны, имея в виду прежде всего талибов, вряд ли достаточно обоснованны и реалистичны. Они аналогичны гипотетическим предположениям о том, следовало ли руководству СССР в конце 1970-х гг. вводить в Афганистан советские войска. С позиции нынешней международной обстановки такое решение признается ошибочным, однако оно имело достаточно серьезное геополитическое обоснование, соответствовавшее реалиям более чем сорокалетней давности.

Находясь в начале 2000-х гг. на посту посла России в Афганистане, автор был свидетелем весьма негативной реакции на идею о привлечении некоторых деятелей ДТ во властные структуры, в том числе и со стороны представителей новых органов государственной власти в самой этой стране. Энергичное содействие политике Запада на афганском политико-идеологическом фоне оказывало и влиятельное проамериканское лобби во властных структурах Кабула, одним из наиболее активных деятелей которого был и нынешний президент А. Гани. В последующем США (главным образом в тактических соображениях) установили, вернее, восстановили определенные контакты с некоторыми представителями талибов [Мачигидзе, 2020]. При этом в период нахождения талибов у власти в период с 1996 по 2001 г. США фактически поддерживали с ними рабочие отношения и были готовы продолжать сотрудничество [Rubin M., 2019]. В Вашингтоне, по существу, игнорировали экстремистский характер лозунгов и задач талибов, проводили линию на превращение их режима в реальную альтернативу правительству бывших моджахедов. Это, по мнению американской Администрации того времени, способствовало бы ограничению вновь начавшегося к середине 1990-х гг. восстановления российско-афганских отношений. Проведению такой линии помогли также заигрывания с талибами и со стороны Китая, в связи с чем в США могли пытаться строить расчеты на определенную координацию политики обеих стран на афганском направлении и прилегающих регионах.

Вместе с тем все последующее развитие обстановки в этой стране после силового смещения талибов Международной коалицией и правительством Северного альянса свидетельствовало о том, что, несмотря на огромные усилия со стороны Запада и новых властей в Кабуле на экономическом и социальном фронте, в государственном и административном строительстве, а также в вооруженном подавлении ДТ, влияние последнего в стране продолжало расти. По некоторым данным, в настоящее время талибы в той или иной степени контролируют более половины территории страны, где в том числе стремятся создавать и свои структуры местного управления. В последние годы на общее положение дел в Афганистане оказывает растущее влияние и такой феномен, как проникновение на его территорию, прежде всего на север и северо-восток, боевиков ИГИЛ, координирующих свою деятельность с террористическими группировками. Это вызывает серьезную озабоченность у центрально-азиатских соседей Афганистана, а также в России и Китае. Общая обеспокоенность таким положением дел в очередной раз зафиксировали на своем саммите летом 2019 г. главы государств – членов Шанхайской организации сотрудничества, в которую входят многие соседи Афганистана, как непосредственные (Китай, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан), так и более отдаленные (Индия, Ка-

захстан, Киргизстан, Россия) [Бишкекская Декларация...]. Похожую озабоченность констатировали и документы саммита ОДКБ в конце ноября того же года, одобрявшие в том числе комплекс новых мер по повышению эффективности совместного противодействия экстремистской, террористической и наркотической угрозам из Афганистана. На это же будет направлено и совершенствование системы кризисного реагирования Организации, что провозглашено в качестве одного из приоритетов председательства в ней России в 2020 г. [Документы ОДКБ].

Фактор ИГИЛ не может не беспокоить и сам Кабул, а также США, поскольку вносит в общую ситуацию в стране дополнительную нестабильность и неопределенность. При этом одновременно центральные власти ИРА пытаются использовать данный феномен и для ослабления талибов. Однако не исключено, что в перспективе, в результате дальнейшего развития событий, позиции ИГИЛ в Афганистане могут укрепиться, оказывая определенное воздействие как на положение дел в стране в целом, так и на деятельность ее властей в частности. Дополнительным фактором влияния на ситуацию в ИРА может стать и общая направленность дальнейшей динамики на Ближнем Востоке, прежде всего в Сирии. Кризис в ИГИЛ в результате ликвидации США осенью 2019 г. их лидера аль-Багдади и выдавливание боевиков ИГИЛ из района сирийско-турецкой границы могут привести к их дополнительной инфильтрации в Афганистан, в том числе с прицелом и на южные рубежи СНГ. В этом контексте достаточно показательным стало признание ИГИЛ своей причастности к вооруженному столкновению на узбекско-таджикской границе в начале ноября 2019 г. Нельзя исключать также и того, что какая-то часть талибов, которые, возможно, не согласятся с итогами перспективных межафганских переговоров по конъюнктурным соображениям, могут встать на сторону боевиков ИГИЛ, как это уже имело место и ранее.

КАБУЛЬСКИЕ ВЛАСТИ И ТАЛИБЫ

Особенностью деятельности «правительства национального единства» (2014–2019) президента ИРА А. Гани являлась твердая приверженность линии на развитие страны на современных основах организации государственного управления, экономической и социальной жизни преимущественно по западным образцам и на базе умеренного ислама. Такой же линии он намерен придерживаться и после своей победы (весьма сомнительной) на очередных выборах, состоявшихся в конце сентября 2019 г. Для талибов же нынешние власти в Кабуле представляются вероотступниками, находящимися под прямым влиянием иностранных государств-кафиров (неверных). Руководство ДТ исходит из того, что Запад намеренно разрушает в стране традиционные устои ислама и национальные традиции, стремится навязать чуждые афганцам режим и его политико-идеологические ценности. В этом же контексте американские контингенты и подразделения НАТО иногда сравниваются вооруженной оппозицией со средневековыми крестоносцами.

Конкретным выражением базовых разногласий между центральными властями ИРА и вооруженной оппозицией о будущем Афганистана являются выдвигаемые схемы его государственного устройства. Так, Кабул выступает за республиканскую форму правления с тремя ветвями власти – (сильный) президент, подчиненное ему правительство, парламент. Учитывая историческую специфику страны, вполне конкретное и определенное место уделяется также закреплению роли ислама как в ее названии – Исламская Республика Афганистан, так и в конституции. Принятый в начале 2004 г. новый Основной закон провозглашал ислам официальной религией страны (ст. 2) и подчеркивал, что «ни один закон не должен противоречить» ему (ст. 3) [Afghan Constitution]. При этом не соответствующая (в 2014–2019 гг.) Основному закону (он не предусматривает должности премьер-министра) структура «правительства национального единства» с должностью

его «главного исполнительного лица», искусственно созданной в интересах достижения компромисса между двумя претендентами на победу в президентских выборах 2014 г., была пересмотрена по итогам выборов 2019 г.

Подходы талибов по вопросу государственного устройства Афганистана в корне противоречат принципам, отстаиваемым центральными властями Кабула. Позиция ДТ сводится к созданию теократического режима в форме «исламского эмирата» и с мусульманским правом (шариат) как основой всех политических, юридических и гражданских институтов. В конкретном плане это выражалось бы в принятии всех основных внутригосударственных решений не через парламент, а путем утверждения советом религиозных авторитетов. При этом особое внимание уделяется жесткому уголовному кодексу, гендерной сегрегации, ограничению свободы СМИ и т.д. К основным институтам «исламского эмирата» талибы причисляют: эмира, обладающего, по существу, неограниченной властью; религиозный совет, в функции которого входит вынесение религиозных предписаний – фетв по всем вопросам жизни общества и политики; религиозную полицию, наделенную полномочиями следить за реализацией религиозных предписаний в обществе и т.д. [Sadr, 2019, p. 36–38]. Данная схема в определенной степени перекликается со структурой государственного устройства современного Ирана, что выражается прежде всего в особой роли верховного лидера, шариата и высших религиозных институтов. Все три ветви государственной власти в Иране (законодательная, исполнительная, судебная) находятся под контролем политического и духовного Лидера, который является богословом и назначается специальным Советом экспертов. Однако наличие поста президента, а также парламента делает иранскую модель значительно демократичнее по сравнению с более жесткими рамками религиозно-политических структур, предлагаемых талибами.

Примирить подходы Кабула и талибов без значительных взаимных уступок представляется практически невозможным. Альтернативой может быть только продолжение вооруженного противоборства. Позиции правительства в Кабуле и связанных с ним региональных властных структур серьезно ослабляются многослойными внутренними противоречиями, борьбой за преимущественное влияние, взаимным недоверием на этнической почве и т.д. Вряд ли можно быть уверенными в полном единстве и в рядах талибов, а также в отсутствии разногласий между находящимся вне страны политическим руководством ДТ и полевыми командирами в различных регионах страны [Джанбаз, 2019]. Часть талибов придерживаются достаточно умеренных подходов к контактам с властями, однако большинство их, в отличие от своих противников, скорее всего полны решимости вообще не иметь дел с нынешней центральной властью.

В практическом плане официальный Кабул, реализуя формально достаточно примирительную линию в отношении ДТ, в течение последних лет неоднократно выступал с инициативами о прекращении огня, в том числе на период особо значимых религиозных праздников, и объявил несколько амнистий заключенным талибам. Параллельно велась активная международная деятельность в интересах обеспечения необходимой политической поддержки. Одновременно немаловажное значение для укрепления своей легитимности президент А. Гани придавал очередным президентским выборам 2019 г. и продлению собственных полномочий на период после некоторого переноса их сроков. Для этого, в частности, был заменен состав Центральной избирательной комиссии, которая обвинялась в фальсификации состоявшихся годом ранее парламентских выборов. Были также предприняты энергичные меры для оперативного обеспечения решения Верховного суда, подтверждающего законность его дополнительного пребывания у власти, а также проведена сессия Лойя Джирги – традиционного высшего общенационального органа страны.

Планы президента на переизбрание вызвали резкую критику со стороны парламента и многих его персональных оппонентов, и претендентов на высший государственный пост. В качестве альтернативы ими предлагались различные варианты создания до проведения выборов некоего временного властного органа (или временного правительства) с возможным привлечением к участию в них и талибов. Такая схема вызвала определенную поддержку и среди некоторых элементов в руководящих политических кругах ДТ, что, однако, не оказывало принципиального влияния на общую жесткую линию Движения в отношении Кабула.

Противодействие созданию такого временного органа власти со стороны президента А. Гани и упорное продвижение им тезиса о необходимости проведения очередных выборов главы государства могли объясняться расчетом одержать на них победу, чтобы тем самым вновь формально подтвердить свою легитимность и на основании этого ужесточить режим личной власти в интересах продолжения политики «кнута и пряника» по отношению к талибам. Несмотря на неоднозначные позиции в Вашингтоне в отношении намерения Д. Трампа о выводе из Афганистана и касательно лично афганского президента, он тем не менее строит свои расчеты на поддержку США в любом случае, даже несмотря на заметно охладившиеся во второй половине 2019 г. его отношения с Вашингтоном. Поводом для этого стала предпринятая еще в марте 2019 г. открытая критика Кабулом Белого дома за то, что он якобы недостаточно полно информирует афганскую сторону о содержании ведущихся в Дохе американо-талибских переговоров. При этом блиц-визит Д. Трампа на американскую военную базу Баграм под Кабулом в конце ноября 2019 г. и его краткая встреча с А. Гани укрепили соответствующие настроения в Кабуле [Ramuk, Ali, 2019].

В основе нынешних маневров Кабула в отношении диалога с талибами лежат тезисы, озвученные президентом страны на международной конференции в Женеве по Афганистану в конце ноября 2018 г. [President Ashraf Ghani's...]. Эти тезисы перекликались с ранее выдвигавшимися А. Гани такими теоретическими принципами, как политический процесс, юридические рамки, внутренняя организация проведения процесса, обеспечение безопасности, инклюзивное экономическое и социальное развитие, партнерство с международными организациями, реализация выработанного общего плана). В этом контексте обращало на себя внимание и то, что как само мероприятие в Женеве, так и очередной план афганского лидера по времени практически совпали с решением США о начале диалога с ДТ об условиях вывода из страны американских войск, к числу которых относили отказ талибов от поддержки террористических группировок, прежде всего Аль-Каиды, достижение с Кабулом режима прекращения огня и начало талибами переговорного процесса с ним.

Очередная предложенная Кабулом в конце октября 2019 г. «дорожная карта» для переговоров с талибами имела в виду достижение «мирного соглашения», обеспечивающего построение в стране «демократического и инклюзивного общества» на основе уважения конституционных прав и обязанностей населения. При этом в последнее время правительство ИРА не исключает и внесения некоторых поправок в Основной закон. Это свидетельствует о проявлении определенной гибкости и отходе от ранее декларированных положений о необходимости уважения талибами нынешней афганской конституции. Новый документ (который тем не менее вызвал критику со стороны политических противников А. Гани) предусматривал возобновление диалога между США и ДТ, а затем и прямые переговоры Кабула с талибами при предоставлении им гарантий вывода из Афганистана иностранных войск. Особо отмечалась необходимость комплексного характера переговоров, указывалось на значимость прекращения поддержки терроризма со стороны Исламабада, обеспечения консенсуса по мирному процессу с региональными, исламскими и западными государствами, а также с международными организациями, на

важность реализации в Афганистане экономических программ, в том числе направленных на обеспечение долговременной стабильности в стране и регионе.

Особенностью официальной пропаганды Кабула в последнее время является также акцент на феномен «беспрецедентной смены поколений», и прежде всего на получающую современное образование афганскую молодежь. Кроме того, активно проводится тезис о непопулярности талибов среди населения, которое боится, что если они снова придут к власти, то опять установят такие же жестокие порядки, как и во второй половине 1990-х гг. [Brahimi, 2018]. За всем этим прослеживается стремление президента А. Гани обеспечить стратегическую поддержку своей внутри- и внешнеполитической линии со стороны секуляристки и прозападно настроенного молодого поколения. Об этом же, в частности, свидетельствовали и многочисленные кадровые перестановки последних лет на ключевых направлениях, которые осуществлялись, в том числе, на основе демонстративных деклараций о приоритетности борьбы с nepoтизмом на гражданской и военной службе. Тем же задачам отвечает всемерное поощрение деятельности институтов гражданского общества с привлечением прежде всего молодежи, а также женщин.

Вместе с тем следует иметь в виду и то, что представители наиболее современных, получивших светское образование прослоек населения сосредоточены преимущественно в нескольких крупных городах. Значительная часть остальной территории Афганистана продолжает формировать питательную среду для деятельности талибов или этнически ориентированных региональных лидеров. Поэтому повышенная ставка нынешних центральных властей Кабула в противостоянии с талибами на поддержку со стороны молодого поколения в масштабах всего Афганистана пока вряд ли достаточно обоснованна.

Что касается талибов, то они, саботируя предложения Кабула о переговорах, исходят из убежденности в растущей внутренней эрозии государственной власти ИРА. Они полагают, что рано или поздно, особенно после вывода американских войск, смогут парализовать деятельность центральных властей на большей части территории страны. Способствовать этому может также традиционно подозрительный настрой большинства региональных элит против любого кабульского правительства, что обеспечивает ДТ возможность достижения с ними определенного временного консенсуса. Этими же соображениями талибы и их политическое крыло руководствовались при отказе от участия в выборах всех последних лет, будь то парламентские или президентские. Конкретно они исходили из того, что участие в выборах означало бы сдачу Движением своих политических позиций и фактическое признание нынешней, навязанной Западом и несовместимой с шариатом системы «репрезентативной демократии», которая принципиально противоречит их концепции теократического правления. Вместе с тем нельзя исключать, что уклонение талибов от участия в избирательных кампаниях в стране одновременно отражает их неуверенность в реальной поддержке со стороны населения страны.

ПРОГНОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В течение последних лет как участники, так и внешние наблюдатели межафганского конфликта рассматривали различные сценарии развития ситуации в стране после формально завершеного в конце 2014 г. вывода основного контингента США. Их существо сводилось следующему: а) победа афганского правительства над талибами; б) победа талибов над Кабулом; в) достижение политического компромисса на основе договоренностей о разделе власти; г) интенсификация боевых действий с обеих сторон, способная перерасти в ширококомасштабную гражданскую войну «всех против всех» [Нессар и др., 2019, с. 13–14]. Параллельно выдвигаются разного рода идеи о будущем формате возможных межафганских переговоров. Однако они вряд ли имеют смысл в нынешних ус-

ловиях отсутствия у талибов намерения о начале каких-либо продолжительных контактов с Кабулом.

Очередные президентские выборы в Афганистане осенью прошлого года и сомнительная победа на них действовавшего в тот период президента А. Гани не только не сняли, но и, наоборот, существенно усугубили разногласия внутри нынешней правящей элиты Кабула. Это обстоятельство, а также попытки создания, по существу, двух параллельных правительств серьезно ослабляют позиции властей по отношению к талибам, прежде всего по вопросу об обновлении государственного устройства Афганистана после вывода американских войск. Они, в соответствии с достигнутыми 29 февраля с.г. американо-талибскими договоренностями, должны покинуть страну в течение 14 месяцев. Кроме того, талибы намереваются и в дальнейшем проводить жесткую линию в отношении нынешних кабульских властей, о чем свидетельствуют как непринятие ими самого факта недавней организации в стране выборного процесса, так и их официальное подтверждение приверженности построению теократического государства по принципу «Исламского эмирата», сделанное после подписания ими соглашения с США.

Представляется также, что президентские выборы в ИРА не привели бы к консолидации нынешних кабульских элит, даже если вместо А. Гани на них победил бы его главный политический оппонент А. Абдулла. Соответственно в стране будет сохраняться тупиковая ситуация затяжного внутреннего военно-политического и идеологического противостояния. Скорее всего, именно к такому развитию следует быть готовыми как региональным соседям страны, так и мировому сообществу в целом. Наиболее яркую форму разногласия двух лидеров приобрели к весне 2020 г., когда в результате непризнания А. Абдуллой победы А. Гани на выборах главы государства режим Кабула оказался перед лицом фактического коллапса, что поставило в чрезвычайно сложное положение и Администрацию США [Ромео, 2020].

Скорейшему разрешению афганской проблемы вряд ли будет способствовать и нынешняя, в значительной степени импульсивная и малопредсказуемая, линия Вашингтона как на мировой арене в целом, так и на региональном уровне в частности. Вместе с тем глубокая и многоплановая вовлеченность США в афганские дела (политические, финансово-экономические, военные, в том числе в подготовку и материальное обеспечение афганских вооруженных сил), а также их стремление использовать Афганистан в качестве форпоста для противодействия влиянию России и Китая в Центральной и Южной Азии делают маловероятным полное свертывание американского присутствия в этой стране до тех пор, пока не станет очевидным, что в ней прочно утвердился лояльный Вашингтону режим.

Долговременным интересам России в Афганистане и в регионе соответствовало бы скорейшее решение вопроса о новой конфигурации власти в стране. При этом любая, даже косвенная, поддержка претензий талибов на ее монополию не отвечает долговременным политическим интересам Москвы. Совершенно очевидно, что создание в Афганистане «исламского эмирата» по рецептам талибов означало бы укрепление позиций в регионе консервативно-фундаменталистского ислама, поддерживающего международный терроризм и не заинтересованного в адаптации страны к реалиям сегодняшнего дня. Одновременно сохранялись бы политические и идеологические условия для дальнейшей инфильтрации на афганскую территорию агрессивно настроенных исламских террористов, ориентированных не столько на сам Афганистан, сколько на дальнейшее проникновение в государства Центральной Азии, а также в некоторые чувствительные регионы России, Китая, Индии и других государств.

В этом контексте наиболее предпочтительным и реалистичным для России (и не только для нее) вариантом будущего государственного устройства Афганистана представлялся бы консервативно-исламистский режим при гарантированном конституцией

обеспечении достаточно значительного влияния секуляристских начал в его внутренней и внешней политике. Одной из важнейших задач в этой связи должно стать и обеспечение сдержек и противовесов возможным претензиям будущего режима в стране на определенную внешнюю политико-идеологическую экспансию. Подобный сценарий исключать нельзя, хотя талибы и заявляют, что у них нет таких намерений.

Об иллюзорности обещаний талибов не поддерживать направленную против США террористическую деятельность свидетельствует и подтверждение Вашингтоном (в совместном российско-американском документе по итогам встречи в Дохе) неприемлемости создания на территории Афганистана «исламского эмирата».

Решить вопрос о новой временной государственной структуре в Афганистане удастся только на основе скоординированных международных усилий, включая активную роль России, поскольку ни одна из сторон внутриафганского конфликта не способна одержать военную победу над противником. Прежде всего именно о неразрывности проблемы военным путем свидетельствуют переговоры Вашингтона с талибами, которые начались осенью 2018 г. [Rubin B., 2019]. Наиболее приемлемым был бы вариант международной конференции под эгидой ООН и при гарантии принятых решений со стороны ряда ключевых государств. Весьма полезным для продвижения общеафганского процесса могли бы оставаться формат Тройки+ (США, Россия, Китай + Пакистан+...), а также обеспечение соответствующего консенсуса в таких значимых для политического и экономического будущего Афганистана структурах, как ШОС и «Сердце Азии – Стамбульский процесс». В этой же связи в перспективе можно было бы изучить и опыт создания и работы Конституционного комитета Сирии, призванного начать выработку заинтересованными сторонами компромиссных вариантов перспективного государственного устройства этой страны на основе общенационального консенсуса.

Вместе с тем, учитывая пока остающиеся принципиальные различия в подходах Кабула и талибов к вопросам государственного строительства, конфигурация новой власти без достижения принципиального компромисса по конституционной основе государства будет лишь промежуточной и скорее всего достаточно кратковременной. Это же неизбежно приведет к новым попыткам передела власти с возникновением кратковременных тактических союзов при активной вовлеченности в них местных и региональных этнополитических элит и религиозных авторитетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бишкекская Декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 14 июня 2019 г. [Bishkek Declaration of the Shanghai Cooperation Organisation's Heads of State Council of 14.06.2019 (in Russian)] <http://rus.sectsc.org/documents/> (accessed: 28.11.2019).

Джанбаз Г. Как остановить войну в Афганистане. *Независимая газета*. 06.10.2019 [Dzhanbaz G. How to Stop the War in Afghanistan. *Nezavisimaja gazeta*. 06.10.2019 (in Russian)] http://www.ng.ru/vision/2019-10-06/100_afghanistan061019.html (accessed: 29.11.2019).

Документы ОДКБ [OSCE Documents (in Russian)] <https://odkb-csto.org/news> (accessed: 29.11.2019).

Конституция (Основные принципы) ДРА. Ст. 4 [Constitution (Basic Principles) of DRA. Art. 4 (in Russian)] <https://worldconstitutions.ru/?p=27> (accessed: 29.11.2019).

Коргун В.Г. *История Афганистана. 20 век*. М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2004 [Korgun V.G. *The History of Afghanistan. 20th Century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, Kraft+, 2004 (in Russian)].

Мачитидзе Г.Г. США-Талибан: Сравнительный анализ этапов переговоров. *Сравнительная политика*. 2020. т. 11, № 1. С. 65–74 [Georgy G. Machitidze. U.S. – Taliban: Comparative Analysis of the Stages of Negotiations. *Comparative Politics Russia*. 2020. Vol.11, No. 1. Pp. 65–74 (in Russian)].

Нессар О., Серенко А.Н., Амири М. *Афганистан после вывода иностранных войск: оценки и вероятные сценарии развития политической ситуации*. Отв. ред. О. Нессар. М.: Центр изучения

современного Афганистана, 2019 [Nessar O., Serenko A.N., Amiri M. *Afghanistan after Withdrawal of Foreign Troops: Assessments and the Most Likely Evolution of the Situation*. Ed. O. Nessar. Moscow: Center of Contemporary Afghan Studies, 2019 (in Russian)].

Afghan Constitution. Art. 2–3 <https://president.gov.af/en/afghan-constitution-2/> (accessed: 28.11.2019).

Ibrahimi Y. Polarization of International Politics on Conflict Resolution in Afghanistan. <http://valdaiclub.com/a/highlights/polarization-of-politics-afghanistan/> (accessed: 29.11.2019).

President Ashraf Ghani's Remarks at Geneva Conference on Afghanistan. 28.11.2018. <https://president.gov.af/en/SP/789012781234> (accessed: 28.11.2019).

Pamuk H., Ali I. Trump makes surprise Afghanistan trip: voices hope for ceasefire. <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-afghanistan/trump-makes-surprise-afghanistan-trip-voices-hope-for-ceasefire-idUSKBN1Y225Y> (accessed: 29.11.2019).

Pompeo M.R. On the Political Impasse in Afghanistan. Press Statement. *US Department of State*. March 23, 2020 <https://www.state.gov/on-the-political-impasse-in-afghanistan/> (accessed : 09.04.2020).

Rubin M. Assessing the Trump Team's Afghanistan Peace Plan. *Mehr Brief*. 2019. Vol. 1. Pp. 2–3.

Rubin B. Everyone Wants a Peace of Afghanistan. *Foreign Policy*. <https://foreignpolicy.com/2019/03/11/everyone-wants-a-piece-of-afghanistan-russia-china-un-sco-pakistan-isi-qatar-saudi-uae-taliban-karzai-ghani-khalilzad-iran-india/> (accessed: 29.11.2019).

Sadr O. *Political Settlement of the Afghanistan Conflict. Divergent Models*. Kabul: Afghan Institute for Strategic Studies, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОНАРОВСКИЙ Михаил Алексеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный посол, член РСМД, Москва, Россия.

Mikhail A. KONAROVSKII, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Member of the Russian International Affairs Council, Moscow, Russia.